

КРЕМЛЬ 2222

КРЕМЛЬ 2222

Андрей Посняков

КОЛОМНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П62

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

Оригинал-макет разработан редакцией Астрель СПб

Художник — *Александр Руденко*

Посняков, Андрей Анатольевич.

П62 Кремль 2222. Коломна : [фантастический роман] /
Андрей Посняков. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
352 с. — (КРЕМЛЬ).

ISBN 978-5-17-091324-4

После ядерного апокалипсиса от Коломны остались лишь кремлевские башни, в которых нашли прибежище выжившие в Последней войне люди, отбивающие нападения лесных нео и поклоняющиеся железному божеству — Великому Био. Среди воинов, защищающих коломенские башни, выделяется своей храбростью и силой двадцатилетний Ратибор, или Ратко, как его называет любимая девушка Ясна, однажды исчезнувшая самым странным и непонятным образом. Обвинив в ее исчезновении жрецов Великого Био, Рат вступает в открытую схватку с божеством, невольно противопоставляя себя всем своим близким.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091324-4

© Посняков А.А., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

На заросшей желтыми осенними кустами опушке шелестела опавшая наземь листва. Выскочивший из орешника заяц сделал пару прыжков и замер, кося карим, чуть навывкате, глазом. Тихо пропела стрела, поразив зверька в шею. Заяц упал, засучив лапами, и быстро расстался с жизнью. На опушку, радостно смеясь, выбежали двое парней. Один из них, широкоплечий здоровяк, закинув за спину лук, сноровисто подобрал добычу.

— Клянусь Великим Био, неплохой выстрел! — потрянув русой головой, похвалил его сотоварищ. — Я б так не сумел. Нет, если б из пищали, то...

— Никто б и не сомневался, Рат, — здоровяк вытащил из-за пояса охотничий нож с широким лезвием и узорчатой рукоятью из оленьего рога. — Сейчас освежем, разведем костерок... А ведь хорошо, а? Ты только посмотри, какой упитанный!

Рат улыбнулся:

— Да, нагулял за лето жирок. Пойду принесу хвороста.

Первые лучи солнца еще только начинали золотить вершины высоких сосен, росших невдалеке. Глянув в бледно-синее, тронутое легкими прожилками облаков небо, юноша зашагал по узкой, петляющей среди по-

жухлой травы тропинке в рощицу. Однако сделав десяток шагов, насторожился — что-то показалось ему неправильным в этот ранний утренний час. Что-то было неправильно, не так — и Рат, опытный охотник и воин, быстро сообразил, что.

Птицы! Радуюсь погожему дню, они щебетали и позади, на опушке, и слева, в орешнике, и справа — в зарослях красавицы ивы, а вот впереди... впереди стояла мертвая тишина. Кто-то скрывался там, прятался, спугнув птиц, и прятался уже давно, с ночи.

Беспечно насвистывая, юноша зашагал дальше, удобнее передвинул висевший на кожаной перевязи меч, не подавая вида, что встревожен. Если б тех, кто прятался сейчас в зарослях, было много, они напали бы давно, а так... так выжидали, а значит — справимся. Да и что говорить — крупную шайку лесных бродяг давно б заметили дозоры, недаром же службу несли.

Ага! Вот слева, за старой березой, шевельнулась ветка... блеснули налитые злобой глаза. Тут же послышался рык, и прямо на Рата выскочили трое полуголых существ, напоминавших скорее обезьян, нежели людей. Крепкие, приземистые, широкоплечие, в одежде из звериных шкур, они бросились на юношу, плотоядно ухмыляясь. Он, Рат, был дня лесных дикарей такой же добычей, как для него самого только что подстреленный заяц...

Выхватив меч, молодой человек пригнулся, пропускающая пролетевшую над головой дубину, и принял на клинок первого подбежавшего дикаря. Тот, видно, расслабился, почуяв легкую поживу, — и попался. Ударив нападавшего в живот, Рат вытащил окровавленное лезвие, повернувшись к оставшимся двоим... если их и правда было лишь трое. Впрочем, оставшихся наверня-

ка бы заметил напарник. Вон он, кричит... бежит... Значит, двое! Всего-то!

— Урргххх!!!! — издав то ли рычание, то ли пронизанный дикой первобытной ненавистью вопль, бегущий первым дикарь взмахнул тяжелым тесаком, казавшимся в его мускулистых, длинных, как у обезьяны, руках детской игрушкой.

От первого удара Рат увернулся, второй же пришлось принять на меч, повернув лезвие плашмя — рисковать добрым клинком юноша не собирался. Послышался скрежет, звон... Второй дикарь, толкаясь, выбежал вперед, замахнулся дубиной... и тут же захрипел, поймав горлом стрелу. Схватился за древко волосатой ручищей, попытался вытащить... но не смог и, обливаясь кровью, тяжело повалился в грязную коричневатую лужу.

Видя гибель своего соплеменника, длиннорукий завыл, замахал тесаком с такой яростью, что Рат вынужден был отступить, и как-то неудачно встал против солнца, едва не пропустив удар.

— Ах, ты та-ак? Н-на!

Хватит обороняться! Атака! Ноги — пружины, меч — продолжение руки. Опираясь на левую ногу, правую юноша выставил вперед, уклонился от очередного бестолково-раздраженного выпада, и резко перенес вес тела вправо, сделав длинный выпад... Достал! Клинок поразил противника в правый бок — дикарь все же сумел отскочить, сгруппироваться. Все ж это был достойный боец — злобный, неутомимый, сильный.

Вот снова яростный натиск... Отбил! Скрежет... Зловонное дыхание, бешеный блеск пылающих ненавистью глубоко посаженных глаз — не сразу и поймешь, то ли человеческих, то ли звериных.

Удар — блок. Удар — отвод. Удар — уклон... И снова выпад Рата. Укол! На этот раз — в ногу.

Левое бедро дикаря окрасилось кровью, а ярость и сила, казалось, возросли в несколько раз. Крутящийся над головой тесак превратился в сияющий в лучах солнца круг, и это круг летел прямо в голову Рату.

Однако юноша не собирался ждать — качнулся влево, вправо, пригнулся, пропуская «круг» над головой, — и неожиданно для врага ударил снизу, выпадом, в левый бок и в сердце.

Тесак выпал из ослабевших рук, и дикарь, словно оглушенный ударом обуха бык, тяжело повалился в жухлую осеннюю травку. Упал, дернулся и затих, устремив мертвый взгляд в выцветшее, словно линялые джинсы, небо.

* * *

Закаленное в Пятницкой кузнице лезвие, просвистев в воздухе, с размаху ударило в толстый корявый ствол. Дерево — старый ясень с давно высохшей кроной, вовсе не гнилой, а вполне годный в дело — затрещало, покачнулось... Выдернув топор, Ратибор размахнулся, чувствуя, как летят вокруг капли едкого пота, замер на миг и, на выдохе, снова ударил по стволу изо всех сил.

— Х-хэк!

Рубил как учили — всем телом, не одними руками — такой удар и для битвы хорош, и здесь, на подсекании стволов, годился.

Ясень вздрогнул, кто-то из рубивших рядом парней подбежал, не дожидаясь зова, навалился плечом, бросив топор, помог и сам Ратибор — уперся руками... Давай-давай-давай! Ну, подрубил же уже! Ну же!

Дерево поддалось с неохотой — цеплялось за жизнь, хоть, казалось бы, и было уже давно мертвым.

— Эх, навались, Легоша!!! И-и-и-и раз! И-и-и-и...

Ствол скрипнул, повалился, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, быстрее...

— Поб-береги-и-ись!

Упал, с треском ломая густой подлесок, упал именно туда, куда нужно — на заранее подготовленные жердины-слегги — чтоб потом было легче тащить: жечь такого красавца ради удобрения никто из людей Пятницкой башни вовсе не собирался. Крепкий ствол вполне подходил для строительства частокола к Погорелой башне, либо его можно было продать соседям, семеновцам, именуемым так по их главной башне — Семеновской. Как пятницкие считались лучшими в Кремле, вернее, в том, что от него осталось, кузнецами, так семеновские — плотниками. Много чего умели из дерева вырезать: вся посуда в Кремле, да для волхвов вещицы разные — их рук работа.

— Эй, эй, подмогните! — закричал справа Сгон. Парень широкоплечий, сильный, но и он уже упарился в одиночку.

Ратибор, или короче — Рат, Ратко — тут же вскинулся, побежал, на ходу махнув рукой Легоше — справлюсь, мол, помогу.

Дерево, с которым уже намучился Сгон, оказалось высоким и крепким, плечом не возьмешь — навалились длинными шестью-слеггами, напряглись: под загорелой кожей мускулы буграми — эх, видели бы девки! Не свои — семеновские, свои-то сестрами считались, одного рода, потому невест пятницкие брали у семеновских, и соответственно, наоборот.

Нет, не поддавалось дерево — не хотело. Высокая мачтовая сосна, пахнувшая хвоей и янтарной смолой — такая тоже пригодится для частокола, потому и рубили,

не пилили, хоть имелись и пилы. Известное дело, рубленое-то дерево словно бы закупоренное — ни гниль, ни язва древесная его не берет, чего о пиленом никак не скажешь.

Пильщики тоже имелись — визжали пилами в низинке, шагах в двадцати, валили без разбора весь мертвый лес, загодя, еще по весне, подрубленный, за лето подсохший. Лучше будет гореть! Много пепла — хороший урожай. А хороший урожай — много свадеб. Как раз осень, вот-вот октябрь — самая свадебная пора.

— Дай-ка топорик!

Ратибор ляпнул, не подумав. Ведь нынче не он, а Сгон был главным над молодежью назначен, и от того ликовал и с явным удовольствием указывал, приказывал, на многих и голос повышал, ругался. Видать, нравилось ходить в бригадирах. Бригадир — древнее слово, такое же древнее, как и боярин, волхв, князь... Означает — указчик, помощник, для небольшой группы работников — главный. А если короче — то на ровном месте шишка. Именно так Рат всегда и говорил, не особо стесняясь, он вообще на язык был невоздержан, не зря насмешником слыл.

Сгон кривился, скуластое, с небольшой рябью по щекам, лицо его покраснело:

— Остынь, Рат. Не видишь, без тебя управлюсь.

— А, ну давай, — Ратибор безразлично отвернулся. — Великий Био тебе в помощь. Кстати, он бы тут наработал куда побольше нас.

— Святотатец! — схватив топор, с возмущением сплюнул Сгон. — И как у тебя язык-то повернулся, про защитника нашего и бога такое сказать? Если бы не он, где б мы были все?

А вот это было серьезно, о насмешке над племенным божеством Сгон вполне мог доложить волхвам... с кото-

рыми, правда, не очень ладил — поссорились из-за какой-то девки, — но доложить мог, особенно если его разозлить. Вот это-то Рат понимал вполне, а потому — тут же повернулся к бригадиру с самой широкой улыбкой:

— Ну, ты это, Сгоне, не сердись. Бригадир ты неплохой, о том все знают...

Сглотнув слюну, Сгон что-то проворчал, но видно уже было — злость его понемногу проходит. Размахнувшись как следует, он нанес сокрушительный удар... тут и Рат подсуетился слегою — навалился, толкнул...

— Пошла, пошла, пошла!!! Па-берегись!!!

Сминая на своем пути все, великан упал в низину, застряв в густых кронах таких же сосен.

— Что стоите, глаза таращите?! — бригадир со злобой обрушился на пыльщиков. — Давайте, подрубайте сучки!

Похватав маленькие топорики-сучкорубы, пыльщики опроретью бросились исполнять приказание. Никто их них не спорил, не ругался, даже не ворчал. Да и кому там спорить-то? Все отроки лет по четырнадцать-пятнадцать, из старших только Сгон, Рат да Легоша — и тем еще двадцати нету. Остальные мужики да парни — кто на других участках лес валит, кто на башнях караульную службу несет, кто молодежь биться учит. Ну, а кто кузнец — тот кузнец, тому многое можно.

Бригада Сгона забралась нынче далеко, версты на четыре от Пятницкой башни, которая, вообще-то, раньше была не башня, а Ворота, но сейчас — да давно уже — такие времена, что никаких ворот не надобно.

Упала на слегу высвобожденная пыльщиками сосна, и парни тут же принялись обрубать с упавшего ствола сучья.

— Хорошо б караульного сменить, — поглядев в небо, негромко промолвил Ратибор. — Выставляли — солнышко — во-он над той сосной было, а сейчас — эвон где! Не, конечно, твое дело, Сгон, ты ведь бригадир, не я.

— Рано его сменять. — Сгон поднял с лапника, которым были укрыты пожитки, объемистую плетеную флягу с квасом, и, сделав пару глотков, хмуро насупился. — Что он там делает-то? Лес рубит-валит? Или, может, корчует пни? Сидит себе, да глаза пучит. А ты говоришь — устал.

— Глаз тоже устать может, Сгон, — осмелился подать голос Легоша — легкий сердцем увалень, добряк, правда, увы, не рукодельник — в кузнечном деле ничего у него не выходило, как ни старался. Разве что молотобойцем — и то...

— А ну вас! — окрысился бригадир. — Да что ж это такое-то? Один гундит целый день, второй... Сейчас обед объявлю, а вы в это время, ежели охота, так сбегаете, часового проверьте — мало ли что?

Ратибор расправил плечи:

— Это приказ, Сгон?

— Считаю, что приказ.

* * *

Пробирались лесом, впереди Рат, за ним — Легоша, упарились. Хоть и недалеко было идти, а все ж кругом одни завалы, буреломы, урочища.

— Матушка рассказывала, будто где-то на севере такое же урочище есть, Старцевским называется. И будто бы в глухую старину некий атаман или полковник, а может — старший сержант, звали его Заруцкий, спрятал целый воз золотых монет.

— Надо же, — треща кустами, ахнул позади увалень. — Целый воз! Интересно, какими монетами? Если там есть, где мужик сеет, то...

— Тсс!!! — Ратибор резко обернулся и присел, приложив палец к губам.

Тут же замолчал, Легоша нырнул в кусты смородины, с неожиданной для его комплекции ловкостью подполз к напарнику и свистящим шепотом спросил, что там такое?

— Глянь-ка на тот пенек, — Рат кивнул влево, на ничем не примечательную корягу размерами сажени с полторы, всю обвитую ветками, с толстыми многочисленными корнями, казалось, уходящими глубоко в землю, в густой серовато-зеленый мох, после недавнего дождя покрытый оранжевыми раковинками личичек — увы, после Последней Войны есть их было нельзя.

— Думаешь, за ним кто-то прячется? — медленно вытаскивая из ножен меч, все так же, шепотом, поинтересовался увалень.

Ратибор дернул шеей:

— Нет. Мне не нравится сам пенек. Кажется, я его уже видел в самом начале пути.

— Ха! Да там пней... Корчевать не выкорчевать.

— И то правда, — подумав, согласился Рат. — Ладно, идем... И давай-ка повнимательней.

Поднявшись на ноги, парни зашагали дальше, только на этот раз — куда медленнее. Ратибор незаметно — словно бы чувствовал на себе чей-то недобрый взгляд — передвинул поудобнее ножны, напарника же послал вперед, оставаясь в арьергарде.

Густой кустарник и буераки затрудняли движение, и Рат часто останавливался, вроде бы отдышаться... а на

самом деле осматривался, внимательно, незаметно и быстро.

И заметил тот же самый пенё! Позади, в десятке шагов...

Легоша, обернувшись, вопросительно глянул. Рат отмахнулся — мол, иди, куда шел, как договаривались... а сам вдруг резко свернул влево, прикинулся, будто что-то там искал, что-то важное, очень важное...

И все косил краем глаза на пенё. А тот, как ни в чем не бывало, вдруг сдвинулся с места, сделав шаг... другой, третий. С еле слышным чавканьем корни вылезали из мха, и снова впивались в землю, перенося за собой мощную колоду... Вот что-то сверкнуло красным. Глаза? Ай да любопытный пенек!

Активно делая вид, что раскапывает — или закапывает — что-то меж корнями приземистой, с широкими лапами, ели, юноша приготовил меч. И когда пенё неосторожно приблизился шагов на пять, Рат резко развернулся и прыгнул.

Пенё выстрелил прутьями, стараясь отбить меч и целя в лицо...

Пружинисто приземляясь на ноги, Ратибор пожалел, что не смог расколоть эту назойливую колодину с первого наскока... теперь пришлось сражаться. Именно так — сражаться. Ибо обладающий корнями-ногами, глазами и, вероятно, злым разумом, пенё оказался весьма серьезным противником. Рат и опомниться не успел, как его левую ногу охватил вынырнувший из-под земли корень. Перерубив его, юноша едва успел подставить клинок под новый выпад. Проклятая колода на этот раз вложила в бросок ветвей всю свою недобрую силу... и напрасно. Люди Пятницкой башни недаром считались лучшими кузнецами. Наткнувшись на острое лезвие, ветви бес-

сильно упали наземь... И снова поползли корни. Впрочем, поползли — это еще мягко сказано! Корни внезапно взметнулись, взлетели, словно распрямившаяся пружина, один удар пришелся Рату по левой руке — ее словно ошпарило кипятком, а кисть онемела. Но... все же бояре башен не зря учили молодежь. Не зря почти ежедневно тренировался и Ратибор. А уж о качестве клинка говорить не приходилось — надежнее некуда. Мужики шутили — мол, словно топор, деревья рубит.

Сейчас как раз был такой случай.

Ну, проклятая колода... Получи!

Юноша словно затанцевал — как учили, — бегая вокруг пня кругами, уходя из-под ударов разящих веток и корней, и рубил, рубил, рубил — только щепки летели. Вот уже поредели под разящими ударами ветки, уже и корней осталось мало — и движения пня резко замедлились, лишь из-под обрубков веток яростно краснели глаза... Вдруг толстый, заостренный на конце, словно хорошо закаленное копьё, корень пролетел над головой вовремя увернувшегося парня. Ратибор не просто увернулся — присев, рубанул клинком, и теперь уже пришлось уворачиваться от какой-то капающей из обрубка вязкой густо-зеленой гадости, чем-то похожей на кровь.

Увернулся. Одним прыжком подобрался к самому пню... Ударил. Крякнув, пень развалился надвое. Обычная старая колода, только внутренности — необычные. Какие-то осклизлые темно-бурые кишки, расплывающаяся, уходящая в мох, красновато-зеленая слизь — мозги, что ли?

Быстро как-то все прошло-то... И бражки махнуть не успел бы. Даже малую кружку.

— Ох! — подбежав, удивленно хмыкнул Легоша. — Это что ж такое было-то, а?